

ДИСКУССИИ

Ю.Н. Давыдов

КУДА ПРИШЛА РОССИЯ?

Статья вторая. Два пути капиталистической эволюции*

Введение

В предыдущей статье было показано, что, вопреки многочисленным утверждениям наших радикал-реформаторов, одиозный социально-экономический «феномен», возникший (в итоге их «шоково-терапевтических» усилий) на территории радикально суверенизированной России, нельзя считать ни случайным, ни патологическим «отклонением» от современного капиталистического «образца», так как соотносить его необходимо с совершенно иным «прообразом»: с другим социально-экономическим и культурно-историческим *типом* капитализма, которому присуща и соответствующая ему «норма». А потому задача заключалась в том, чтобы, во-первых, выявить и определить саму эту «норму», отправляясь от веберовского различия *двух* типов капитализма: античного («архаического») и современного (новоевропейского). А, во-вторых, выяснить, насколько отвечает ей наш нынешний («новый русский») капитализм, отличие которого от современного западного вполне компенсируется его далеко идущим сходством с античным, архаически-«базарным».

И хотя такого рода — повторяем: *типологическое* — рассмотрение вовсе не исключало сравнительной *оценки* различаемых типов капитализма, она еще не входила в число наших специальных задач. Теперь же, чтобы приступить, наконец, к ее решению, необходимо внести определенные изменения в первоначальную постановку вопроса, дополнив «ценностно нейтральный» типологический анализ элементами *эволюционно-генетического*, заимствованными из теоретико-методологического арсенала веберовской «эволюционной программы-минимум» (как обозначил ее В. Шлюхтер — крупнейший знаток творчества М.Вебера). Речь идет об известной «секуляризации» категории эволюционного *развития*, решительно исключая его абсолютизацию в качестве «прогресса», ведущего, якобы, человечество к некой «конечной цели» (по степени — гипотетического — «приближения» к которой и оценивается в таком случае его

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ — грант № 97-06-80337. Статья впервые опубликована в: ЖССА. 1999. Т. II. № 1 (5).

Давыдов Юрий Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Адрес: 117259, Москва, ул. Кржижановского, 25/35, корп. 5.

Тел.: (095) 719-09-40. Факс: 719-07-40. E-mail: vad@socio.msk.su

состояние). А это означает **ограничение** ее применимости четко очерченными рамками тех или иных исторических периодов, которое предполагает размещение совершающихся в них процессов в определенной системе культурно-исторических координат. Что и позволяет зафиксировать прежде всего общую **направленность** каждого из этих процессов, а уж затем его «энергетический потенциал», **темп, ритм** и т.д.

Лишь при условии такого радикального ограничения мировоззренческой значимости и последовательной конкретизации содержания категории «эволюция» соответствующий теоретико-методологический подход может быть совмещен с типологическим. И тогда второй может рассматриваться как подготовка к первому, обеспечивая необходимую **идентификацию** объекта, подлежащего (затем) оценке в понятиях секуляризованного эволюционизма (веберовской эволюционной «программы-минимум»). Применительно к нашим задачам такая работа и была проведена в ходе теоретически обоснованной **идентификации** «нового русского» капитализма как такового, установления его принадлежности именно к «архаическому», а не современному капиталистическому типу. Теперь мы вправе сделать следующий шаг и попытаться определить его место в исторически определенных границах нынешнего «момента» эволюции современного мира, отмеченного не одним, а, по крайней мере, двумя глобальными расколами; внешним — между «развитыми» и «развивающимися» (согласно основополагающему различию, предложенному теоретиками «модернизации») странами, т.е. между капиталистическими и «докапиталистическими» обществами, и внутренним (которое эти теоретики вообще не принимают во внимание) — между современным и «архаическим» типами капитализма: «типологическая **противоположность** (которую прогрессисты-«модернизаторы» чаще всего подменяют «стадиальным» **различием**, связанным со степенью «зрелости» капитализма в разных странах современного мира).

В самом общем виде исторический «момент», переживаемый сегодня Россией, отправляясь от которого мы попытаемся в дальнейшем определить место, какое она занимает среди различных общественных образований, существующих в нынешнем мире, характеризуется резким (если не сказать: катастрофическим) поворотом от ее **поступательного** промышленного развития, которое мы привыкли квалифицировать как научно-технический прогресс, к, мягко выражаясь, **отступательному**. Поворотом от **индустриализации** и **модернизации** промышленности (а отчасти и сельского хозяйства), сколь бы односторонними они ни были и как бы дорого ни обошлись стране и народу, к ее все дальше заходящей **деиндустриализации** и **демодернизации**, сопровождающимся колоссальным падением промышленного производства, которому не видно конца. Если же прибавить к этому неуклонную **деградацию** науки, которую наше полуразвалившееся государство оказалось просто не в состоянии поддерживать даже на элементарно необходимом уровне, общий **упадок** образования и культуры, наконец, невиданный рост преступности, пьянства, наркомании и прочих социальных болезней, — то все это, вместе взятое, нельзя будет оценить иначе, как социально-экономический и общекультурный **регресс**. И уже тут мы неизбежно сталкиваемся с фактом существования не только капиталистического прогресса, под знаком которого и вчерашние либералы, и нынешние **радикал-реформаторы** (не вполне законно причисляющие себя к либералам) неиз-

менно воспринимали и, как видим, все еще воспринимают *всякую* эволюцию капитализма, но и *капиталистического регресса*. Причем не только частично-го, позволяющего говорить о «случайных отклонениях» от «генеральной линии» капиталистического прогресса, но именно *тотального*. Регресса, совершающегося на почве — и в формах — именно капиталистической, а не какой-либо иной эволюции. Им-то и оказалась, как видим, внутренняя эволюция «нового русского» капитализма, принадлежащего (и мы в этом уже убедились) к «архаическому» *капиталистическому* типу.

1. Капиталистический регресс и проблема необратимости эволюционных изменений

Итак, первый же факт, с каким мы теперь сталкиваемся, — это факт существования связи тотального капиталистического регресса (который следует отличать от частичных и локальных его проявлений, какими являются *циклические кризисы*, периодически переживаемые капиталистической экономикой) с вполне определенным, а именно «архаическим» типом капитализма. И точно так же, как эмпирический факт существования не одного, а именно двух социально-экономических и культурно-исторических типов капитализма потребовал от нас его углубленного теоретико-методологического осмысления, того же требует и названный факт. Мы сталкиваемся лицом к лицу с задачей выяснить *условия его возможности*, свидетельствующие о его *неслучайности*. Но если в поисках ответа на вопрос об определении *типа капитализма*, «случившегося» в России в итоге «радикальной рыночной реформы», мы были вынуждены обратиться к теоретическому наследию М. Вебера, то теперь, столкнувшись с проблемой имманентной сопряженности одного определенного типа капитализма с соответствующим (ему и только ему) *направлением* капиталистической эволюции, мы освобождены от необходимости «ума искать и ездить так далеко». Там, где заходит речь о современном понимании эволюции *вообще*, капиталистической эволюции *в частности* и эволюции «нового русского» капитализма *в особенности*, равно как и о различении ее самых общих направлений, нельзя сегодня обойтись без помощи нашего выдающегося соотечественника Н. Д. Кондратьева.

Этому широко мыслящему экономисту, получившему мировую известность благодаря его теории «длинных волн экономической конъюнктуры», названных «кондратьевскими», принадлежит ряд принципиально важных теоретико-методологических различий, имеющих самое прямое отношение как раз к названной проблеме. Хотя вводил он их в несколько иной, более общей связи: в целях теоретико-методологического обоснования своей теории «экономической динамики» [1, с. 48], каковую последовательно противопоставлял господствовавшей в его время «статической точке зрения», которая, по его словам, «исследует явления экономической действительности вне процесса их изменений и берет действительность как бы в застывшем состоянии равновесия элементов» [1, с. 55]. В связи с этим в центр теоретико-методологических различий Н. Д. Кондратьева выдвигается именно категория *изменения*, анализ которой играет существенно важную роль в его программной статье «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры». Для нас же в данном случае этот

анализ особенно важен постольку, поскольку он вплотную подводит Н. Д. Кондратьева к существенно обновленному и углубленному пониманию социально-экономической эволюции *вообще*, а нас — к уточненному пониманию собственно капиталистической эволюции, в особенности — эволюции «нового русского» капитализма.

В ходе своего анализа Н. Д. Кондратьев акцентирует два самых общих различия теоретико-методологического порядка, каждое из которых пригодится нам при анализе нашей сегодняшней социально-экономической и культурно-исторической ситуации. С одной стороны, это — различие между *эволюционными* и *циклическими* изменениями. А с другой — различие между двумя противоположными *направлениями* эволюционного изменения. *Эволюционные* изменения характеризуются, согласно его дефиниции, необратимостью и, соответственно, неповторимостью. *Циклические же* (или *циклически-волнообразные*), напротив, обратимы, а стало быть, и — в принципе — повторимы. Связь между кондратьевским выделением изменений второго типа в особую группу, призванным подчеркнуть их особый онтологический статус, и общей концепцией этого автора теории «длинных волн» экономической конъюнктуры очевидна. Менее очевидна теоретическая значимость стремления Н. Д. Кондратьева истолковать необратимость (и, соответственно, неповторимость) как атрибут изменений *более глубокого* онтологического уровня, чем циклические. Однако и она становится понятной, если обратить внимание на то, что лишь необратимые изменения получают у него статус *эволюционных*, определяющих общую направленность («генеральную линию») всего эволюционного процесса в целом. Не отрицая традиционного гегельянски-марксистского определения эволюционных изменений как «количественных», в противоположность «качественным» [1, с. 58], Н. Д. Кондратьев вводит еще одно их определение, которое оказывается в конечном счете решающим: необратимость как противоположность обратимости, *однаправленность* как противоположность постоянному изменению направления.

Противопоставленная непрерывности циклически-волнообразных изменений, «постепенность» (т.е. опять-таки непрерывность) эволюционных изменений открывает новое (дополнительное) измерение смысла категории эволюции. Оно заключается в *противоположении* двух видов непрерывности: линейно-однаправленной и, так сказать, «нелинейной». Прямолинейности эволюционных изменений противопоставляется цикличность волновых, *непрерывно* меняющих свое направление: их перманентность противостоит *континуальности* постепенно совершающихся эволюционных изменений. Словом: с одной стороны — непрерывность эволюционного процесса, исключающего возможность «революционных скачков» (без которых гегельянец К. Маркс не мыслил *подлинного* развития, т.е. все того же просветительского прогресса), а с другой — перманентность непрерывных перемен самой *направленности* циклических изменений. Нас, однако, интересуют далеко не все из этих различий и противопоставлений, но прежде всего два из них, с которыми непосредственно столкнули россияне парадоксальные «последствия» *гиперреформаторства* Гайдара-Чубайса, поддержанного военной мощью «президентского всевластия». А именно — онтологически фундированное различие необратимых эволюционных и обратимых циклически-волновых изменений, с одной стороны, и проти-

воположность прогрессивных и регрессивных эволюционных процессов — с другой. Различение и противоположение, которые — что для нас здесь *самое важное* — были «проблематизированы» как раз в результате «шоковой терапии», которой была в одночасье подвергнута российская экономика.

Суть этой, фактически *двудеиной*, проблемы, которую мы расчлняем на две лишь из аналитических соображений, в каждом отдельном случае заключается в том, *возможен ли вообще* переход от одного типа изменений к другому и, если возможен, то как, каким образом? Вопрос этот, который (среди прочих) занимал Н. Д. Кондратьева главным образом как теоретический, для нас, нынешних россиян, предстал прежде всего в качестве сугубо практического, поскольку мы оказались не просто свидетелями, но *объектами* подобного перехода, а, вернее, «перескока» от изменений одного рода и направления к другим, весьма существенно от них отличным. Причем «скачка», напоминаем, именно *двудеиного*, ибо, как мы убеждаемся на каждом шагу, это был скачок, с одной стороны, от непрерывности циклически-волнообразных изменений к «прямолинейности» эволюционно-необратимых, а с другой — от необратимости прогрессивной (интегративной) эволюции к регрессивной (дизинтегративной).

2. От обратимости кризиса к необратимости распада

Конкретизируя свое основополагающее теоретико-методологическое различение всех без исключения изменений на эволюционно-необратимые и циклически-волнообразные применительно к социально-экономическим реалиям, Н. Д. Кондратьев пишет: «...Легко видеть, что целая группа экономических элементов, прежде всего ценностных, как, например, товарные цены, процент на капитал, заработная плата и др., и натуральных, как процент безработных, количество банкротств и т. д., обнаруживают волнообразные, обратимые процессы изменений.

Изменения других элементов, как количества населения, размеров производства, объема товарооборота, запасов капиталов, уровня техники и др., имеют сложное строение, они во всяком случае состоят из двух компонентов. Первый компонент — это их общий рост и развитие, второй — скорость или темп этого роста и развития. При ближайшем рассмотрении имеющегося фактического материала оказывается, что тенденция общего роста и развития их представляют из себя — по крайней мере в доступный нашему анализу период времени — *необратимый процесс*... Наоборот, темп этого роста и развития описывает волнообразную кривую и является сам по себе процессом обратимым» [1, с. 62].

Согласно концепции Н. Д. Кондратьева, в русле этого процесса, имеющего свои подъемы и спады, неизбежны также и *кризисы* различной продолжительности, глубины и масштабности [3, с. 137–148]. Однако поскольку они «в своем ходе обнаруживают более или менее правильную повторяемость или цикличность» [3, с. 137], постольку кризисы эти не нарушают общую непрерывность эволюционного процесса. Надо сказать, что мало-помалу принципиальная возможность аналогичных «кризисных явлений» была признана нашими экономистами применительно не только к капиталистической, но и к социалистической экономике. Во всяком случае она молчаливо подразумевалась, а подчас, открыто утверждалась (под смягчающим наименованием «кризисных

явлений»), когда заходила речь о временах «застоя». И как засвидетельствовал академик Л. И. Абалкин в одном из своих примечательных выступлений 1994 г. (к которому нам еще предстоит вернуться), подобное представление о континуальности не только циклических, но и иных кризисов продолжало доминировать в нашем общественном сознании еще сравнительно недавно.

«...Обычно, — свидетельствует он, — кризис рассматривался и воспринимался, в том числе и массовым сознанием и руководством страны, как некое циклическое явление — кризис, за которым наступает столь ожидаемое оживление и последующий подъем. При циклическом развитии, несмотря на всю тяжесть потерь, глубину спада производства, всегда есть основы для оживления, нового подъема. Есть импульсы, которые зарождаются в период кризиса и обеспечивают подъем» [2, с. 131–132]. К сожалению, это представление о циклических кризисах, возникшее в свое время как результат научного осмысления экономических кризисов, периодически переживаемых капиталистической экономикой (а затем перенесенное на анализ нашей «застойной» и «перестроечной» экономики), было спроецировано на экономическую эволюцию вообще, в том числе и позднеперестроечную российскую. А в такой — сугубо расширительной — трактовке это видение кризиса «как такового», превратившееся в догматическое верование, до неразличимости совпало с верой в наш знаменитый «авось». В то, что «кривая» экономического цикла все равно «вывезет» («куда надо»), хотя «в данный момент» она и свидетельствует о «понижательной» тенденции (а то и вовсе распаде) экономики.

В таком контексте даже констатация факта кризиса, переживаемого Россией на излете позднеперестроечного периода, трактовалась в маниловски-«оптимистическом» духе, исподволь подталкивая завтрашних радикал-реформаторов на путь «научно обоснованного» прожектерства и даже авантюризма. Их собственная практика очень скоро засвидетельствовала несостоятельность радикал-реформаторских упований на циклическую «кривую», способную (якобы) вынести любые эксперименты над российской экономикой. Анализ первых же «реальных результатов» гайдаровско-чубайсовского гиперреформаторства привел некоторых из наших серьезных и вдумчивых экономистов (число которых неуклонно возрастало) к заключению, что процессы, возобладавшие в нашей экономике в годы «радикальной рыночной реформы» уже не уместаются в рамки привычного представления о ее движении по «кривой» экономического цикла, даже — и особенно — когда речь идет о его собственно кризисной фазе. А кое-кто из них пришел к заключению, что российская экономика вообще *сошла с рельс* циклически-волнового развития. Вот тут-то и настало время обратиться более серьезное, чем это было принято еще совсем недавно, внимание на весьма многозначительную оговорку, которой Н. Д. Кондратьев заключил свой (частично уже приведенный выше, но вполне сознательно оборванный нами) пассаж, касающийся эволюционно-необратимого процесса.

Согласно его оговорке, вовсе не исключено, что в один прекрасный (или, наоборот, ужасный) момент вышеупомянутый континуальный процесс *«может оборваться или сделать зигзаг под влиянием пертурбационных факторов и катаклизмов космического или социального характера»* [2, с. 63]. Определяя такого рода «пертурбационные факторы и катаклизмы» [3, с. 58] как «резкие» (там же) и «исключительные» [3, с. 70], Н. Д. Кондратьев прежде всего стре-

милея подчеркнуть их разрушительный и (слово, явно напрашивающееся, но не произнесенное, скорее всего, по цензурным соображениям) **революционный** характер. Когда же при этом он характеризует подобные «факторы и катаклизмы» как «исключительные» и «посторонние» [3, с. 58], акцентируя их принадлежность к числу «внешних» [3, с. 70] воздействий, он тем самым подчеркивает их **чужеродность** эволюционному процессу, **неорганичность** такого насильственного вторжения в его **непрерывное** течение.

В данном случае мы имеем дело с тем самым «перерывом постепенности», о каком властвовавшие в тогдашней России приверженцы «революционной диалектики» позволяли себе (и другим) говорить и писать лишь в самых возвышенных тонах. Тогда как Н. Д. Кондратьев явно намекает здесь на катаклизмическое вторжение чуждых и враждебных сил в естественный (ибо непрерывный и постепенный) процесс поступательно направленной эволюции, вторжение, которое грозит оборвать ее или повернуть вспять, т.е. в направлении, диаметрально противоположном прогрессивно-интегративному. В этом суть «пертурбационных воздействий», которые он вовсе не случайно называет также и «катаклизмами», подчеркивая тем самым их **разрушительность**, и, если хотите, энтропийность: внесение **хаоса** в естественный **порядок**. Наконец, и это здесь самое главное, определяя природу подобных «пертурбаций» и «катаклизмов», Н. Д. Кондратьев подчеркивает, что они — «космического или социального характера» [3, с. 63], т.е. (во втором случае) не исключает их **рукотворного** происхождения.

Так социальные катаклизмы, вызванные в обществе действиями людей, обладающих сознанием и волей (и в этом смысле вполне вменяемых), по их объективным результатам оказываются однопорядковыми с космическими катастрофами, возникающими в связи с вторжением в человеческую жизнь чисто природных стихий. Как в первом, так и во втором случае, «необратимый процесс» социально-экономической эволюции «может оборваться или сделать зигзаг» [3, с. 63], радикально изменив свое прежнее направление. Но тогда и действия людей, «имущих» власть инициировать в обществе «пертурбации», сравнимые с теми, что вызываются «чисто природными» катаклизмами, вполне допустимо осмыслять и оценивать в социокультурных (а тем самым и этических) категориях — с точки зрения их воздействия на общее **направление** эволюционного процесса, определяющего жизнь множества людей. С точки зрения того, способствуют ли они углублению социальной интеграции, т.е. поступательному развитию человеческого общества, или, наоборот, препятствуют ей.

А в таком случае встает новым вопрос: если Н. Д. Кондратьев допускает, что необратимо однонаправленная эволюция способна «сделать зигзаг» (хотя бы и «лишь под влиянием пертурбационных факторов и катаклизмов»), то не оказывается ли мы в момент такого «зигзага» перед лицом некоего «раздвоения» эволюционного процесса. «**Раскола**» самой этой эволюции, представляющего собой столкновение (пусть даже «моментальное») двух направлений единого процесса: с одной стороны, прежнего поступательно-интегративного, а с другой — нового, «отступательно»-деинтегративного, в котором утверждает себя иной род изменений, направленных диаметрально **противоположно** и тем самым к корню его отрицающих. Возникают ли такая — **регрессивная** — ориентация эволюционного процесса **наряду** с прежней — **прогрессивной**, или после

ее «аннигиляции», — это уже другой, особый вопрос, который требует специального рассмотрения. Нам же важно пока лишь констатировать факт логически неизбежного (при вышеупомянутом кондратьевском допущении) «соприсутствия» на одной линии эволюции двух взаимоисключающих направлений, каждое из которых отмечено судьбоносной печатью **необратимости**. А это и есть трагический (во всяком случае для России, а не ее «новых русских» отпрысков «международного», так сказать, происхождения) факт появления на той же самой эволюционной линии какого-то другого, но столь же неотвратимого процесса. В таком случае можно было бы говорить о «катаклизмическом» скачке от одного рода (или формы) изменений к другому.

Как мы могли заметить, сам Н.Д. Кондратьев, ограничившийся констатацией самого факта «пертурбации», не углублялся в рассмотрение ее внутренней «механики», а потому не сделал вывода о ее «двуединости», хотя и вплотную подводил к нему своих читателей. Но вот «пертурбация», какую испытала российская экономика в годы лихолетия «радикальных рыночных реформ», заставила нас задуматься, в частности, и над этой проблемой. Причем первопроходцем на этом пути был опять-таки Л. И. Абалкин, один из наиболее вдумчивых наших экономистов. Чтобы убедиться в этом, продолжим чтение его текста, который (как и текст Н. Д. Кондратьева), мы оборвали, что называется, на самом интересном месте. Подводя предварительные итоги гайдаровско-чубайсовского радикал-реформаторства, он констатирует далее: «Глубина спада и масштабы социально-экономических потерь последнего времени и нарастание *необратимых* процессов свидетельствуют о том, что кризис [переживаемый российской экономикой. — Ю. Д.] *утрачивает* свой циклический характер и перерастает в развал. А развал — это совершенно другая модель, за которой никогда не наступит автоматического, *естественного* восстановления. Развал не несет в себе импульсов возрождения и подъема в отличие от циклического кризиса» [2, с. 132]. Но это значит, что «сам кризис за последнее время претерпел *принципиальные, качественные* изменения» [2, с. 131–132].

Такой кризис уже не может быть причислен к разряду «циклических явлений», предполагающих, что за упадком (временным) и дезинтеграцией (частичной) «неизбежно наступает столь ожидаемое оживление и последующий подъем». Ведь это совершенно особый кризис, какой уже не вмонтирован, если можно так выразиться, в общий циклически-волновой процесс, при котором, «несмотря на всю тяжесть потерь, глубину спада производства, всегда есть основы для оживления, нового подъема» [2, с. 132]. Более того, речь идет при этом о скачке в измерение, радикально отличное от континуальности циклического процесса, — туда, где властвует необратимость, причем необратимость регресса — тотальной дезинтеграции, предполагающей соответствующую «модель экономического поведения». Модель не развития, а «выживания», с целью не утонуть, но хоть как-то остаться «на плаву». Надежд на то, что «кривая» кризисного цикла куда-нибудь да «вывезет», вопреки всем нашим бюрократическим «демо-головотяпствам, уже нет никаких. Ибо для страны нет и самого этого цикла: ее экономика **выпала** из него. Россия с ее так называемой «переходной экономикой», где под вопросом оказывается само понятие «перехода» (куда переходить? от чего к чему?), брошена в бушующее море необратимых непредсказуе-

мостей, в хаос эволюционной необратимости, к тому же необратимости негативного — **дезинтегративного** — порядка.

Это необратимость «второго порядка», которую мы открываем сегодня **вторично**, после того как однажды уверовали в нее как в необратимость **общечеловеческого** прогресса. Но теперь открываем ее уже не на гребне восхождения капитализма и не в связи с экзальтированными надеждами на «неизбежность победы коммунизма», а в штопоре безостановочного падения, которым закончился «большой скачок» ускоренно **«прихватизируемой»** России от «реального социализма» к «идеальному капитализму» американского образца. Этот «большой скачок», заставляющий вспомнить о том, которым в последние годы правления «Великого кормчего» был инициирован в Китае приближенной к нему бюрократической элитой, сделавшей ставку на своих «младореволюционеров», не мог закончиться ничем, кроме большого падения (ибо от «большого скачка» до **«большого падения»** — один шаг). Его неизбежным (хотя и не предусмотренным «командой» наших лже-камикадзе) результатом и стало выпадение огромной страны из циклического процесса ее хозяйственной эволюции. Результатом в высшей степени прискорбным, которого все-таки удавалось избежать и в годы парадоксального «застоя» (когда худо-бедно, но тем не менее продолжалось развитие науки и техники, образования и культуры), и в период вялотекущей «перестройки» (каковой так и не удалось оправдать ею же пробужденных надежд) •

Кризис, который переживала **предшоковая** Россия, был при всех его негативных последствиях (которые выглядят едва ли не достижениями по сравнению с результатами «шоковой терапии», учиненной над нею) «нормальным». Однако таким он был для нее лишь до тех пор, пока (повторяем: даже при бюрократических издержках нашего **посттоталитарного** социализма, вызывавших вполне справедливые нарекания и законное стремление к **разумным**, т.е. тщательно просчитанным, реформам, — но не путчам) все же обеспечивал постепенный переход российской экономики от депрессии к подъему, не допуская падения общественного производства ниже его «ватерлинии». Здесь имеется в виду линия общего социально-экономического **равновесия**, или **консенсуса** в контовском (онтологическом, несмотря на весь позитивизм О. Конта) смысле, понимаемого как взаимосвязь всех существенных элементов социально структурированного хозяйства со всеми. А можно ли говорить хотя бы об отдаленном подобии такового в ситуации катастрофического разрыва российских хозяйственных связей, начало которому было положено безответственными решениями Беловежского «междусобойчика», а конец обернулся тем, что наш народ, по аналогии со сталинской «сплошной коллективизацией», назвал «сплошной прихватизацией»?!

Итак, совершенно очевидно, что на протяжении последнего десятилетия XX-го века мы присутствуем при «пертурбации», коренным образом изменившей прежнее течение социально-экономических процессов в России, обратив его **вспять** — в направлении к капиталистической архаике. Но столь же очевидно, что катастрофа эта, вполне сопоставимая по своим масштабам с «космической», вовсе не природного, но «социального», т.е. **рукотворного**, происхождения, а значит имеет своих вполне конкретных инициаторов. Это был — вполне предсказуемый! — результат столь же амбициозных, сколь и бестолковых

усилий власть предрержащих экономистов вырваться из **индустриального** социалистического «застоя» с помощью чего-то вроде маоцзедуновского «большого скачка» (но по исконно российскому способу «вышибания» клина — клином: одного кризиса — другим, еще более обширным).

Вот и вырвались... Но не только из кризисного цикла, а из всякого циклически-волнового процесса (с его имманентной тенденцией к восстановлению нарушенного равновесия) вообще. Следствием этого — напоминаем: искусственно вызванного, спровоцированного — **катаклизма**, сразу же получившего в народе **вполне адекватное** название «прихватизации» («черного передела» общенародной собственности «дем»-бюрократами, располагавшими властью, легко обмениваемой на деньги, с одной стороны, и «социально близкими» этим властям «добытчиками» денег, легко «ссужаемых» им **той же властью**, разумеется, за счет «государственной казны», с другой), и стало упомянутое **перерождение** кризисного цикла в тотальный развал. Развал, в ходе которого «понижительная» тенденция хозяйственного цикла с неизбежностью (вот она неотвратимость) оборачивается общей социально-экономической деградацией, т.е. общественным регрессом в точном смысле слова. Это и был «большой скачок» России в «киное измерение»: не просто от циклически-волнового типа изменений к эволюционному, но к тому же от прогрессивной эволюции вообще (в которую органически вписывался и нормальный циклически-волновой процесс вместе с его периодическими кризисами) — к однозначно регрессивному движению. Эволюции **вспять**, к **архаическим способам** хозяйствования, доминировавшим в глубокой древности, а впоследствии оттесненным на периферию капитализмом новейшего европейского типа.

3. «Новая русская» версия регрессивной эволюции

Таким образом экономика (и вообще социально-культурная жизнь) России оказалась ввергнутой в состояние, которое трудно квалифицировать иначе, чем состояние «свободного падения», к тому же — без надежд в обозримом будущем выйти из него, восстановив безнадежно утраченное экономическое равновесие. Сбылись опасения, которые наши осмотрительные экономисты высказывали еще в самом начале гайдаровско-чубайсовских реформ. Стало прискорбным фактом нашей повседневной экономической действительности то, о чем, например, еще в 1994 г., говорилось лишь как об угрозах. «Многие разрушения в экономике, касающиеся научно-технического потенциала страны, ряда ведущих отраслей с их технологическими базами и основными фондами, экологии, генофонда российского общества *грозят стать необратимыми*, — предупреждал Л. И. Абалкин. — Так же, как необратимо мы вытесняемся с мирового рынка, а в последнее время — и с внутреннего. И думать, что потом можно будет поднапрячься и вернуться — нереально. Вакуума здесь не бывает. Никто нас на уже занятом и разделенном рынке не ждет» [2, с. 133].

И действительно. Многое, очень многое из того, что вчера еще только грозило стать необратимым, сегодня уже стало **трагическим** фактом нашей повседневности. И, что особенно огорчительно, — произошло все это на широком фоне поступательного развития ряда стран так называемого «третьего мира», на которые мы привыкли поглядывать свысока. Выйдя на линию капиталисти-

ческой эволюции, они двинулись по ней вперед, а не назад, по пути развития, а не деградации, надежных приобретений, а не невозвратимых утрат. И многие из них оставили нас позади, несмотря на более трудные «стартовые условия». Что же касается России, то, действительно, в итоге радикальных (а точнее, — сверхрадикальных: в силу их догматического отрыва от российской действительности) реформ в нашей экономике и технике, науке и культуре, наконец, в генофонде страны произошли изменения, большую часть которых при всем желании никак нельзя назвать ни позитивными, ни «обратимыми». При этом надо учесть, что далеко не все из них имели чисто экономическое происхождение. Некоторые из них были лишь отчасти экономическими, поскольку вызваны «пертурбациями» общественно-политического или чисто политического характера, которые наложили на них свой специфический отпечаток. Но коль скоро идет речь о нынешнем состоянии российской социокультурной жизни в целом, то и необратимость этих негативных изменений нельзя сбрасывать со счетов.

В числе же наиболее существенных из всех этих изменений бросаются в глаза следующие. Во-первых, — **разрушение целостности** агропромышленного комплекса нашей огромной страны, еще вчера простиравшейся на шестой части суши; целостности, которая не только целенаправленно формировалась в процессе послеоктябрьской модернизации российской экономики, но складывалась исторически, задолго до октябрьского переворота — в ходе многовекового «собирания» полинациональной и поликультурной России. Во-вторых, — невозвратимая **утрата** многих территорий и, соответственно, энергетических источников, непосредственно включенных в этот единый комплекс, обеспечивая его повседневное функционирование. В-третьих, глубочайшая **деформация** общей системы коммуникаций, связывавшей центральные пункты этой единой технико-экономической структуры с самыми отдаленными регионами страны; деформация, чреватая вполне реальной угрозой дальнейшего распада страны. Роковым результатом всего этого, помноженным на вопиющую деструктивность «шокового» реформаторства, явилось **катастрофическое падение** промышленного производства России, несоизмеримое даже с ее территориальными утратами. В связи с чем страна потеряла свое прежнее место среди промышленно развитых стран. Сюда следует добавить также **радикальное ослабление** важнейших научно-технических и внешнеторговых позиций нашей страны, усугубляющее ее и без того отчаянное финансовое состояние: **зависимое** положение безнадежного должника, которому львиную долю своего бюджета приходится тратить на «обслуживание долга», отказываясь от жизненно необходимых инвестиций в аграрно-промышленный сектор, не говоря уже о науке, образовании и культуре.

Так выглядят в самом общем виде и политические «условия возможности», и социально-экономический механизм **насильственного** «обращения» необратимости **интегративных** процессов в необратимость процессов дезинтеграции и распада, восходящей (поступательной) эволюции — в нисходящую («отступательную»). Необратимость, какую одни из нас привыкли воспринимать как необходимый атрибут социалистического, а другие — капиталистического **прогресса**, впервые за **последние полвека** повернулась к нам своим жестоким, даже свирепым лицом. Вот почему наше новое — собственно российское — открытие Н. Д. Кондратьева, произошедшее на излете «кондратьевского ренес-

санса» (при котором мы до тех пор просто присутствовали, не привнося особых новаций) можно датировать с момента актуализации его идеи необратимости **эволюционных** социально-экономических изменений и процессов именно **регрессивной** направленности. Ибо взятая прежде всего в таком «опасном повороте», а стало быть, в неразрывной связи с идеей «пертурбации» (которую в переводе на язык нынешней науки можно было бы при желании определить как «**бифуркацию**»), кондратьевская концепция дает нам ключ к рациональному постижению и трезвой оценке воистину кафкианского «процесса», в какой вовлекли сбитых с толку россиян «радикальные рыночные реформы», вызвавшие к жизни «новый русский» капитализм с его неимоверно развитыми **хватабельными** («прихватизаторскими») рефлексам, не обещающими стране и народу ничего хорошего.

Об очевидной **регрессивности** той «генеральной линии» капиталистической эволюции, что прорисовалась уже на первых этапах гайдаровско-чубайсовского экономического **путча** (совершенного под завораживающим лозунгом «Иного не дано», унаследованным от позднеперестроечных времен), упрямо свидетельствовало очень многое, о чем уже упоминалось в предварительном порядке. Это и катастрофический спад промышленного производства — в масштабах, несопоставимых даже с теми, какими поразил западный мир экономический кризис первой половины 30-х гг. нашего века (заставивший говорить об «общем кризисе капитализма» совсем не одних только большевистских догматиков). И скачкообразное обнищание (пауперизация и люмпенизация) основной массы трудящегося населения страны. И фактическая ликвидация «среднего класса», вполне сравнимая по социальным последствиям с «ликвидацией кулачества как класса», которая означала «снятие с повестки дня» вопроса о социальных перспективах развития в нашей стране **действительно демократического** (а не «олигархического»!) капитализма, обеспечившего Западу капиталистический прогресс в точном смысле этого слова; и демографический кризис; и невиданный расцвет наркомании; и **чудовищный** рост преступности, особенно организованной (продвигающей «своих людей» во «властные структуры»); и всеразъедающая коррупция, следствием которой стала тотальная дисфункциональность всех нынешних государственных и гражданских учреждений, отданных на поток и разграбление нашей корыстолюбивой бюрократии. И многое-многое другое, чего здесь не перечислить. Если все это — капиталистический прогресс России, вышедшей на «столбовую дорожку цивилизации», то что же тогда можно считать регрессом?

О том же, что это — именно капиталистической регресс, а не иной, свидетельствует не одна только антисоциалистическая направленность спровоцировавших его гайдаровско-чубайсовских «реформ». О том же говорит и бросающееся в глаза типологическое родство «нового русского» капитализма с античным, дожившим до наших дней в качестве капиталистической «архаики». И об этом, как мы уже убедились из предыдущей статьи, писал М. Вебер, решительно отстаивая свою концепцию в многолетней полемике с полумарксистом В. Зомбартом. Наконец, о том же можно говорить и сегодня, наблюдая как в процессе регрессивной эволюции «нового русского» капитализма всплывают все более **примитивные** формообразования (и все более отвратительные социальные типы) архаического капитализма, заменяющие собою структуры посттотали-

тарной и позднеперестроечной экономики. Восточный **базар** — вместо цивилизованного рынка. Повсеместный бартер — вместо товарно-денежного обмена. **Киллер** (наемный убийца) — вместо судьи и судебного исполнителя. **Мафии** — вместо партий (особенно «на периферии») или вместе с ними: как их «ударные группы» (особенно в период разнообразных «выборов»). **Спекулянты-«олигархи»** — вместо промышленников «большого стиля» (О. Шпенглер), впоследствии переименованных у нас в «капитанов промышленности». У кого хватит совести на то, чтобы подводить эту жалкую метаморфозу под понятие прогресса, уверливо отказываясь прямо «называть кошку — кошкой», уголовников — уголовниками, а деградацию — деградацией? Причем деградацией уже явно не социалистической, ибо **порождена, вызвана к жизни** она гиперреформаторством именно буржуазно-капиталистической, а не иной ориентации. Да и осуществлялась под аплодисменты буржуазно (а отнюдь не социалистически) ориентированных теоретиков, не скупившихся на свои «полезные советы», которые тут же принимались в качестве непреложного руководства к действию.

Возьмем факт, совсем не случайно упомянутый первым в предыдущем абзаце, специально посвященном перечислению наиболее значимых социально-экономических явлений нашей жизни, свидетельствующих о регрессивном характере изменений, определивших ее общее течение. Он говорит (нет: вопиет) в том, что вместо **цивилизованного**, т.е. правовым образом **регулируемого**, рынка (каковой, между прочим, предполагал в своей теории «богатства народов» и сам Адам Смит, на которого так любили ссылаться наши радикал-реформаторы) мы получили в конце концов «базар», как его наиболее дикую и примитивную форму, «регулируемую» кулачным **правом**. Ведь тот если как-то и совместим с капитализмом, то опять же вовсе не с современным законнически-рациональным, а с «архаически»-иррациональным, основанным на принципе: «не обманешь — не продашь». К тому же степень криминализации этого, с позволения сказать, «рынка» у нас такова, что — в связи с высокой степенью организованности криминальных структур, буквально оккупировавших его, — есть смысл говорить о весьма специфической «невидимой руке рынка». Совсем не о той, на какую уповал А. Смит, но принципиально ей противоположной. О руке уголовных «авторитетов» и льнущих к ним «теневики» (насчет «благотельности» воздействия которых на наши рыночные отношения отваживаются говорить лишь небескорыстные «теневики» от теории).

Все это означает, что у нас в результате экономического катаклизма, спровоцированного Е. Гайдаром и его «командой камикадзе», рынок вместо того, чтобы стать эффективным инструментом капиталистического прогресса, предстал как разрушительное орудие — капиталистического же, но — регресса (деструкции, энтропии и пр.). И следует ли удивляться тому, что в силу взаимопроникновения всех общественных сфер (все того же контовского «консенсуса») подобной энтропии подверглась не только хозяйственная, но и политическая, и культурная, и нравственная жизнь российского общества? Всепроницающая коррупция, «модель» которой задает наш всероссийский «базар», везде дает о себе знать. Вот почему наша страна так решительно вырвалась в число самых «передовых» по степени коррумпированности не только хозяйственной, но и всех остальных из упомянутых здесь областей. А ведь корни ее уходят не столько вниз, в «русскую почву» (в тот самый «русский менталитет», на

который наша радикал-демократия пытается свалить все свои гиперреформаторские грехи), а вверх — в высшие этажи «новой русской» бюрократии, усыпавшей розами путь «нового русского» капитализма.

Это обстоятельство и парализует активность наших правоохранительных структур, вынуждая их функционеров вновь и вновь останавливаться у «красной черты», преступив которую они рискуют «схлопотать» статью за «антигосударственную деятельность» (или за что-то, вообще не имеющее отношения к делу). И когда даже из уст высших правительствующих лиц выпархивают, порой, слова о «бандитском капитализме» (нашедшем — добавим от себя — благодатнейшую почву для своего буйного произрастания прежде всего благодаря все тому же «приватизаторству» и «ваучеризаторству»), то миллионам трудящихся, уже более семи лет испытывающих, что называется, на собственной шкуре, весь процесс его произрастания и победоносного «движения вперед», остается только иронически пожать плечами: дескать, «попал пальцем в небо». Жест, за которым чувствуется только глубочайшая апатия и безнадежность.

Но едва ли не выразительнее всего о регрессивной направленности нашей нынешней эволюции свидетельствует особый образ действий, специфический **способ поведения**, который диктует россиянам ситуация неотвратимого экономического (и социокультурного) распада и дезинтеграции. Вот как она выглядит в уже цитированном докладе экономиста, чье видение российских реалий не было искажено ни радикал-реформаторским нарциссизмом, ни монетаристским прожектерством: «Мы до сих пор рассуждаем об экономической реформе, о ее судьбе, не понимая, что примерно около года тому назад [т.е. уже в 1993 г. — Ю. Д.] процесс экономических реформ в России захлебнулся, зашел в тупик и практически приостановлен. Общество перешло к иной модели, перешло интуитивно от проведения экономических реформ к стратегии выживания» (Там же, с. 131). «Без понимания того, что мы перешли к совершенно новой модели поведения, к ориентации на выживание, мы не объясним многое из того, что происходит в стране. В частности, поведение хозяйственных руководителей и коммерческих банков, региональных лидеров и населения, кризис неплатежей. Вы ничего не сделаете, если хозяйственные структуры будут припасать деньги для выживания, не расплачиваться, имея при этом достаточно платежных средств. Надо иметь в виду и механизм поведения человека, семьи в этих условиях.

Нельзя объяснить попытки самостоятельного выживания регионов, их войны с центром без осознания того, что это делается интуитивно. Дело не в том, что там плохие люди живут, меньше заботящиеся о судьбе России, чем живущие в столице. У них не меньше образования и культуры, они не хуже знают международную обстановку. Сама жизнь нас затягивает в этот процесс выживания» (Там же).

В этой «стратегии» находит свое выражение вся **безысходность** регрессивно направленной необратимости, когда вернуться назад уже невозможно, а «вперед» ожидает не завтрашнее (всегда обещающее что-то новое), но позавчерашнее, пред- и предпред-прошедшее: все глубже в прошлое заходящая архизация социокультурной жизни. «Стратегии выживания» чужда ориентация на развитие точно так же, как чуждо нормальному плаванию барахтание утопающего, тщетно стремящегося с помощью беспорядочных телодвижений хоть как-то удержаться на поверхности воды, за что-то уцепиться, хоть за ту же

«соломинку». Здесь уже «не до жиру — быть бы живу». И если это все-таки «стратегия», то ее цель — в приспособлении к неумолимому факту погружения на дно. В нашем случае — к неотвратимому процессу социально-экономической деградации, которая с неизбежностью следует за развалом экономического цикла. Отсюда лихорадочные поиски разных «панaceй», все чаще прерываемые периодами полного правительственного безволия, если не «ступора». Что вступает в разительное противоречие с победными реляциями наших СМИ, наловчившихся мастерски подавать своей аудитории отчаянную нужду за добродетель.

В этом отношении показательна метаморфоза, какую претерпело при переводе на двусмысленным язык нашей насквозь идеологизированной газетно-журнальной публицистики (а иногда и социологизированной статистики) само это словосочетание «стратегия выживания», взятое применительно к «простому среднему» человеку, пришедшему на смену вчерашнему «простому советскому». Здесь оно употребляется, как говорится, «с точностью до наоборот». Ведь стратегия предполагает хоть какую-то альтернативу, какой-то выбор, хотя бы какое-то «пространство возможностей», в каком упомянутым «массовидный индивид» мог бы ориентироваться, планируя свое социальное поведение в перспективе нескольких будущих шагов. Но где оно, это «пространство»? И о каком таком «планировании» его будущего можно говорить в ситуации, когда речь идет лишь о том, чтобы поскорее ухватиться за первое попавшееся под руку средство «выживания». Когда и вопрос-то совсем не о том, как жить дальше, а о том, как бы не утонуть **в данный момент**, не оказаться на дне хаотического водоворота жизни.

Бессмысленность разговоров о «стратегии выживания» статистически среднего россиянина — в самом этом предположении, будто у него, целиком и полностью поглощенного борьбой за выживание, есть выбор, оставляющий место для рефлексии на тему о «выборе» между различными способами выживания. Тогда как сама ситуация выживания означает, что сегодня он лишен такой возможности, которой привык пользоваться еще вчера. И все разговоры о подобной «стратегии» свидетельствуют лишь о том, как мало мы осознаем, в тисках **какой** «необратимости» мы оказались в результате «шоковой терапии», которой, как выяснилось, была подвергнута **вся** Россия, а не только ее экономика. Эта новая необратимость является гораздо более жестокой, чем та, от которой наши благодетели намеревались избавить нас путем гиперинфляции, с помощью которой были конфискованы денежные вклады россиян, и тотчас же последовавшими за нею грабительской «приватизации» и надувательской «ваучеризации».

А наше «родное государство», олицетворяемое как старой, так и новой бюрократией (что привело к **утроению** ее общей численности), не без удивления обнаружившее себя прикованным, как раб к галере, к (им же и возлеяющему!) «новому русскому» капитализму, расписалось — с помощью бесконечной череды **бесполезных** указов и постановлений — в своей полной неспособности обеспечить политически-правовые условия, при которых россияне могли бы **честным трудом** обеспечить себе пристойное существование, создавая пространство свободного выбора собственного будущего. И вряд ли кто-нибудь решится сегодня отрицать, что в целом они стали сегодня еще беднее, чем были

до разгула прихватизаторского радикал-реформаторства, а разрыв между ними и «новыми русскими» толстосумами, оказался просто несопоставимым с тем, какой нынче рискуют позволить себе страны цивилизованного капитализма.

Так что же, и все это мы тоже назовем капиталистическим прогрессом? И стоит ли при этом удивляться общей деградации экономических и социальных, образовательных и культурных структур, призванных упорядочивать жизнь нашего «социума» на всех его уровнях? Имеют ли право ссылаться на «исконную» российской «вороватость» все эти «калифы на час реформ», которым наша страна обязана таким невиданным разгулом откровенного грабежа, какого россияне не знали со времен нашествия Батыя? А если поставить вопрос еще шире, в плоскости теоретико-методологической и общемировоззренческой: имеют ли право наши радикал-демократы, еще вчера отождествлявшие тот же самый прогресс с социализмом и коммунизмом, сегодня, разочаровавшись как в том, так и в другом, из своей **резиньяции** делать вывод, будто всякий капитализм, действительно исключающий и первый и второй, уже по одной этой причине представляет собой феномен общественного прогресса? И стоит ли поэтому приветствовать «в наших палестинах» **всякий** капитализм, какие бы отратительные коленца он ни выкидывал?...

В общем же, характеризуя все перечисленные выше дезинтегративные изменения и процессы, произошедшие в нашей стране в период «шоковой терапии», которая, как видим, не ограничилась (и не могла ограничиться) **шокированием** одной лишь экономической сферы, мы можем лишь подтвердить прогностически точный абалкинский вывод. Россия безнадежно «выпала» из прежнего процесса, в русле которого тенденция поступательно направленной эволюции пробивала себе дорогу через следующие друг за другом циклы, не лишённые своих кризисов. Последний из них, доведенный до абсурдного предела (вернее, «беспредела») радикал-реформаторами, обернулся общим развалом и тотальной социально-экономической деградацией, которая распространилась и на все остальные сферы жизни российского общества. В каждой из них эволюция обратилась вспять по формуле Александра Блока, соответствующей нынешней российской действительности гораздо больше, чем отвергнутому им предреволюционному «безвременью»: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. // Аптека. Улица. Фонарь».

Заключение

Прогрессивный паралич и распад российской посттоталитарной экономики (художественно, но все-таки обеспечивавшей **равновесие** и **стабильность** нашего общества в целом на протяжении более 30-ти лет, прошедших после смерти тоталитарного вождя и ликвидации ГУЛАГа) — таков основной результат самоутверждения на просторах радикально «суверенизированной» России именно архаического, а отнюдь не современного капиталистического типа. Однако на том основании, что некоторые из вытесняемых им «палеосоциалистических» структур еще не окончательно вытеснены из общественно-экономической жизни России, и что открывает возможность их **амальгамирования** с архаическими, было бы неправильно заключать, будто экономика (или «экономическая политика») нашей страны все еще остается «социалистической». Для того, чтобы как-

то обосновать этот сомнительный тезис, его защитникам [3, с. 8] приходится слишком уж расширительно толковать и само понятие социализма, рискуя «подвести» под него и некоторые «моменты», которые, между прочим, вовсе не исключаются и капиталистической архаикой. Например, все то, что побуждало М. Вебера говорить о **фискально-политическом** происхождении античного капитализма, изначально привязывавшем его к «государственной кормушке». Тем не менее он все-таки определял его именно как капитализм, а не что-то другое.

Это все же капитализм, хотя и совсем не тот, о котором еще совсем недавно только и можно было прочесть в наших марксистских учебниках политэкономии, авторы которых не знали — и не хотели знать — о существовании другого капиталистического типа. А между тем «новым русский» капитализм близок и родствен по своим основным социально-экономическим и культурно-историческим характеристикам как раз этому типу капитализма, «прототип» которого М. Вебер зафиксировал в глубокой древности (что, по его мнению, не помешало соответствующему капиталистическому типу дожить до современности, приспособившись к ней, как на Западе, или, наоборот, приспособив ее к себе, как у нас). Особенностью этого капитализма является, как мы убедились, регрессивная направленность его эволюции, предполагающая (в тех случаях, когда он переживает свой очередной «ренессанс» в **интерmundиях** более поздних общественно-экономических структур, включая и ту, что совсем недавно являл собой наш советский государственно-монополистический капитализм **«с социалистическим лицом»**) возврат ко все более и более примитивным, ибо непромышленным и непродуктивным, способам капиталистического хозяйствования. А вернее, — хозяйничания, преследующего одну-единственную цель: максимальную прибыль, достигаемую любыми средствами и во что бы то ни стало.

Отсюда и «дикость», и «варварство» нашего «нового русского» капитализма, которым в нынешней России играет роль **основного фермента** распада и разложения всего того, что было создано народами, ее населяющими, с таким невероятным трудом и воистину сверхчеловеческим напряжением нравственных и физических сил. Отсюда же и его, этого распада, **неотвратимость**, неминуемо ввергающая страну и ее граждан в совершенно новую ситуацию (столь же отличную не только от «застойного» предперестроечного прошлого, но и от пришедшей ему на смену перестройки, сколь и непохожую на постиндустриальное будущее, какое мерещилось нам в горбачевские времена «экономических мечтаний»). Ситуация, в какой мы оказались в период «нового русского» ренессанса капиталистической архаики, столкнула нас лицом к лицу с **изнанкой**, темной стороной необратимости, полностью обнажившей свой роковой «подтекст», примеры какового мы уже приводили.

Под гнетом кошмарно неотвратимого (как в тяжком сне) распада и жестокой необратимости деградации мы **заново** открываем ту старую истину (которую успели подзабыть), что за все нужно платить. В том числе и за саму эту (поначалу такую вождевленную) необратимость «радикальных реформ», обнаживших свой грабительский «подтекст». И платить тем больше, чем меньше просчитано, сколько они будут стоить стране, во что обойдутся тем «многим, слишком многим», кому у нас неизменно приходилось оплачивать по-интеллигентски нерасчетливое, лихорадочно-торопливое, самоуверенно-самовлюбленное реформаторство. Одновременно произошло и открытие неразрывной связи

именно такой необратимости, обрушившейся на россиян как гром среди ясного неба, с тем — тотально регрессивным — направлением эволюционных изменений, в русло которого оказалась ввергнутой наша экономика именно в результате (рукотворной) «пертурбации», **произведенной** в ней — **и над нею** — в ходе «радикальных реформ». Наконец, выявилась и внутренняя сопряженность как раз этого, а не иного, направления наиболее существенных изменений нашей нынешней экономики, определяющих и ее «структуру» (если можно говорить о таковой применительно к разлагающемуся организму), и ее внешний облик («физиономию»), с одной стороны, и того социально-экономического и культурно-исторического типа капитализма, который так стремительно укоренился на просторах России в лихорадке беспардонного радикал-реформаторства власть имущих «монетаристов» — с другой.

На каждом шагу мы оказываемся в одном и том же порочном кругу **безысходности**. Катастрофическое падение покупательной способности трудового населения сковало по рукам промышленность, возможности которой находятся в прямой зависимости от потребительского рынка страны. Мы производим все меньше прежде всего потому, что обнищали в ходе **конфискационных** реформ, а нищаем дальше потому, что **вынуждены** все меньше производить. В противоположность первым «буревестникам» грядущей российской гиперреформации, ностальгически рассуждавшим о чем-то вроде «костлявой руки голода», которая заставила бы трудиться «ленивых россиян», трудящиеся посттоталитарной России работали хуже, чем могли бы, прежде всего потому, что им не вполне удовлетворительно **оплачивали** их труд. Однако вместо того, чтобы повысить оплату их труда, гиперреформаторы начали свою экономическую авантюру с фантастического обесценивания рубля, превратившего и без того небольшую заработную плату в совсем уж ничтожную, чем перечеркнули **трудовую** перспективу развития капиталистической экономики в России. Вот когда — и как — была изготовлена «петля безысходности», с помощью которой была задушена в зародыше тенденция, ведущая к становлению в нашей стране действительно современного капитализма, сопрягающего высокоразвитую индустрию и интенсивный высококвалифицированный труд. Вот где таится «истинный источник» **неотвратимого** регресса, под знаком которого протекает сегодня наша экономическая, социальная и культурная жизнь.

Как видим, среди всех открытий, какими отмечена нынешняя, собственно российская фаза «кондратьевского ренессанса», открытие **судьбоносной** сферы эволюционно необратимых изменений, о **существовании** которых наши маниловски прекраснородные радикал-демократы забыли буквально «как про смерть», имеет первостепенную **общемировоззренческую**, а не только теоретико-методологическую значимость. То же, что их необратимость раскрылась перед нами во всей своей глубине и суровой непреклонности именно в своей **негативной** ипостаси — в качестве необратимого регресса, могло лишь углубить наше философское постижение смысла этой **необратимости**, развеяв в прах последние остатки прогрессистских интеллигентских иллюзий — веры в **автоматическое** «торжество прогресса» (все равно какого — «социалистического», в который мы верили совсем недавно, или «капиталистического», в какой мы уверовали сегодня). И теперь мы окончательно убеждаемся в том, что «сознательно-бессознательный» расчет наших радикал-реформаторов на спаси-

тельную «кривую», которая все равно «вывезет» нашу злосчастную экономику (вопреки всем мыслимым и немыслимым экспериментам над нею), **подпытывался**, кроме всего прочего, также и «верой в прогресс», усвоенной ими от их сановитых отцов и дедов. Так что открытие необратимости регресса, подрывающее их веру в **безусловную** необратимость прогресса, может и должно рассматриваться как очередное свидетельство их не только теоретического «дефолта» (не говоря уже о практически-политическом), но и общемировоззренческого краха.

А теперь попробуем, наконец, ответить на вопрос, явно напрашивающийся на фоне этой констатации нашего сегодняшнего «положения дел». Возможен ли выход из этого «штопора», которым обернулась «мертвая петля» гайдаровско-чубайсовской «реформы», задуманной как «обмен» **якобы** обесцененной бюрократической власти на **якобы** «ничейную» (а на самом деле нашу с вами, дорогие читатели) собственность, результатом чего стало, как совершенно точно зафиксировал Н. Шмелев, фактическое **назначение** на хлебную должность «новых русских» капиталистов целого класса людей, находившихся вблизи государственной кормушки? В обозримом (и тем менее «ближайшем») будущем — вряд ли. Однако в принципе (и в более отдаленной перспективе) поворот от регрессивной капиталистической эволюции к прогрессивной все-таки не исключен точно так же, как оказался возможным диаметрально противоположный экономический переворот. Правда, поскольку раковая опухоль коррупции (возникшей в форме полуофициально разрешенной «прихватизации»), уже повсеместно пустила свои метастазы, так что у многих («слишком многих»!) «рыльце» оказалось нынче «в пуху», постольку такой поворот не мог бы не вызвать их яростного сопротивления, чреватого очередной гражданской войной. Единственной альтернативой такого «исхода» из нынешнего паразитического, **криминально-бюрократического**, капитализма могла бы стать лишь перспектива развития **нравственно-религиозно** ориентированного рыночного хозяйства, аналогичного тому, что возникло в свое время на Западе «из духа» протестантской этики индивидуального труда, частной собственности и личной инициативы. С теми, разумеется, существенными коррективами, какие практически уже были внесены в эту этику российской религиозной реформацией, определенно начавшейся у нас в конце прошлого века, но, к сожалению, раздавленной революционным движением, спровоцированным атеистически настроенной интеллигенцией.

О реалистичности такой перспективы говорит не одна только социальная оппозиция «новому русскому» капитализму, которая не могла не возникнуть в широчайших слоях люмпенизированного им российского населения. О том же свидетельствует и нравственное возмущение россиян культом преступления, разврата и тотального бесстыдства, активно насаждаемым у нас в настоящее время — прежде всего и главным образом — **именно этим** типом капитализма (с помощью послушных СМИ, купленных им, что называется, с потрохами). Возмущение, глубоко родственное тому, что в свое время привело в странах северной Европы к массовому протесту против «Великой блудницы — развратного Рима», который вылился в конце концов в движение религиозной Реформации. А Реформация, которой не избежать и в России (если россияне не хотят, чтобы она вообще исчезла с лица земли), — в отличие от революции — дело

долгое: строить не ломать. Но каждый шаг на ее пути в высшей степени продуктивен, так как имеет смысл и ценность уже сам по себе.

Литература

1. Кондратьев Н. Д. К вопросу о понятиях экономической статистики и конъюнктуры // Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 48–90.
2. Абалкин Л. И. К самопознанию России. М.: Институт экономики РАН, 1995.
3. Илларионов А. Цена социализма: Столетие социалистической политики превратило российского великана в экономического карлика // Независимая газета. 1999. 13-14 апр. С. 8.